

В. А. Ляпин*

**К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ПОБЕГОВ
ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАЗЕННЫХ
ЗАВОДОВ УРАЛА В СЕРЕДИНЕ XIX в.**

ПОБЕГИ феодальнозависимого населения в советской исторической литературе всегда рассматривались как проявление (хотя и пассивное) классовой борьбы, антифеодального протеста. Подобные оценки присутствуют и в современных работах. Так, И. Супоницкая среди форм протеста, характерных для крепостных, называет бегство¹. В XVII–XVIII вв. беглые – неперенные участники всех массовых выступлений феодальнозависимого населения, включая, конечно же, крестьянские войны.

В XIX в. на Урале характер побегов меняется. Завершение процесса формирования горнозаводского населения, укрепление административно-полицейского аппарата на местах, патерналистская политика казны и заводовладельцев обуславливают прекращение массовых побегов. Таковым теперь считается, например, групповой уход с работы с целью принесения коллективной жалобы. Такие случаи бывали редко и тщательно расследовались. Достаточно редки и индивидуальные дальние побеги. Так, молотобоец Ижевского оружейного завода Клим Артемьев, 26 лет, в 1847 г., будучи схвачен в Астрахани «отговаривался своей глупостью, которая заметна в нем». Глупость, впрочем, не помешала Артемьеву накопить для побега 25 фунтов хлеба (около 10 кг) и идти «скрываясь в лесу и не входя в деревни». Будучи схвачен, он назвался «крестьянином Владимирской губернии помещицы Зверевой Алексеем Григорьевым, бежавшим с поселения в Сибири». Его наказали розгами и собирались «отдать в военную службу», но после наведения справок и выяснения его личности судили вновь и приговорили к наказанию 1000 шпицрутен².

Разобраться в причинах побегов позволяют дела Екатеринбургского горного военного суда³. Основную массу их составляют дела о побегах (их более трех сотен) мастеровых и урочнорабочих казенных заводов Екатеринбургского горного округа, относящиеся к середине 50-х – началу 60-х годов XIX в. Просмотренные нами дела казенно однообразны. Каждое из них заводилось после рапорта полиции о задержании беглого. Далее начиналось следствие, в ходе которого выяснялись причины и обстоятельства побега. Затем следовал суд, приговаривавший бежавшего, как правило, к наказанию розгами или шпицрутенами. Приговор утверждался начальником горного округа, а затем – главным горным начальником или берг-инспектором.

Порядок наказания розгами был регламентирован циркуляром министра внутренних дел от 29 мая 1848 года. Министр, «находя нужным, чтобы розги

* Ляпин Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

¹ Супоницкая И. Раб и крепостной // История. 2006. № 15. С. 13.

² АВИМАИВВС. Ф. 3. Оп. 56. Д. 163. Л. 7–35.

³ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1, 2.

были повсеместно одинакового размера и качества и употреблялись единообразно», считал долгом «препроводить при сем образец оных». Далее сей шедевр бюрократической мысли содержал описание предмета и его применения: «Розги должны состоять из тонких березовых прутьев длиной $1\frac{1}{4}$ аршина числом от 10 до 15, так, чтобы общий объем их в нижнем конце после соединения в пучок имел $1\frac{3}{4}$ вершка. После 10 ударов розги признаются негодными к употреблению и должны быть заменены другими. Там, где нет березовых прутьев, выписывать оные из других мест»⁴. Так и представляешь себе идущий степью обоз, везущий «единообразные» прутья для снабжения, как сказано в циркуляре, «приводящих в исполнение».

Что касается шпицрутен, введенных в России Петром I, то они представляли собой черемуховую палку длиной и толщиной «в ружейный ствол». Ими наказывали солдат и приравненных к ним мастеровых казенных заводов. Приговоренного осматривал заводской врач, который мог отменить наказание. Из всех просмотренных нами дел лишь в одном содержится документ о такой отмене. У приговоренного была открытая форма туберкулеза. Наказуемого обнажали до пояса, руки привязывали к стволу ружья, которое за приклад тянули двое солдат. Приговоренного вели между двух шеренг солдат («зеленая улица» – очевидно, по цвету мундиров), каждый из которых делал шаг вперед и в полную силу наносил шпицрутену удар по спине. Примкнутый к стволу штык, упирившийся в живот несчастного, не позволял ему ускорить шаг. Врач мог остановить наказание и отправить приговоренного в госпиталь (в ведомостях заводских госпиталей в графе «причина болезни» так и указывалось – «после наказания»), где его лечили, а после выздоровления отпускали недостающее количество палок. В завершение (если человек оставался жив) с него брали расписку в том, что наказание ему отпущено полностью, подшивали расписку вместе с другими документами, и дело отправлялось в архив.

Рассмотрим некоторые из такого рода дел фонда 57. При этом отметим, что наш выбор был совершенно случаен, а количество приведенных дел ограничено лишь объемом статьи.

Итак, Григорий Степанов Баушкин (именно так – фамилия отражает особенности уральского говора), 40 лет, урочнорабочий Арамилевского участка, женат, двое детей, имеет дом в поселке Большой Исток. Ранее дважды судим за побег. Первый раз в 1854 году приговорен к 50 розгам, от которых освобожден по манифесту о вступлении на престол Александра II. Второй раз бежал через год. Приговорен к 200 шпицрутенам. Третий побег совершил 10 сентября 1856 года с Горнощитского прииска. Задержан в Нижнеисетском заводе 19 сентября «за празднотательство и пьянство без письменного вида». Сам Баушкин объяснял свою отлучку необходимостью вывезти сено с покоса. Но жена показала, что муж в праздники 8 и 9 сентября пьянствовал, а 10 сентября ушел на Исеть ловить рыбу, которую продал, а деньги пропил, после чего из дому исчез. Дядя подсудимого Меркурий Баушкин показал, что видел племянника в Нижнеисетском заводе в питейном доме. Суд приговорил Григория к 500 шпицрутен, начальник Екатеринбургских заводов снизил их количество до 300, что утвердил главный горный начальник⁵.

Иван Федоров Нагибин, 24 лет, трижды судим за побег. 1852 г. – 25 розог, 1853 – 80 розог, 1856 г. – 200 шпицрутен. По выписке 9 ноября 1856 г. из Нижнеисетского госпиталя (очевидно, после наказания) «был в праздности в

⁴ АВИМАИВВС. Ф. 3. Оп. 56. Д. 111. Л. 5–7.

⁵ ГАСО. Ф. 57. Оп. 2. Д. 22.

Екатеринбурге, где шатался по рынку и кабакам, ночевал в банях или кирпичных сараях, где был задержан 16 ноября». Суд приговорил его к 300 шпицрутенам и берг-инспектор оставил приговор в силе⁶.

Филипп (отчество не указано) Черепанов, 27 лет. Трижды судим за побеги. Приговорен к 15 и 30 розгам и 300 шпицрутенам. 10 ноября 1856 г. выписался из Березовского госпиталя, где 5 дней лечился от простуды. «По ленности и нерадению к службе» (традиционная формула) «прошатался» в Екатеринбурге, где был задержан 16 ноября. Отделался 30 розгами, т.к. главный горный начальник посчитал, что подсудимый бежал «единственно по ленности»⁷.

Михаил Иванов Пушников, 27 лет, из солдатских детей Каменского завода, мастеровой Монетного двора, женат, сыну 2 года. Дважды судим: «за кражу у урочнорабочего 72 рублей» (наказан 200 шпицрутенами) и за побег в течение 13 дней – 50 розгами. 17 сентября 1856 года обратился к надзирателю Семенниковского прииска с просьбой об отправке в госпиталь. Свидетельство для поступления в госпиталь ему выдали, но велели обождать приезда смотрителя прииска, который должен был свидетельство подписать. Не дождавшись смотрителя, Пушников ушел в Екатеринбург, где сам явился в полицию 3 октября. При врачебном освидетельствовании у него обнаружили воспаление левого легкого. 5 января 1857 г. помещен в Екатеринбургский госпиталь. Суд приговорил Пушникова к 200 шпицрутенам, но начальник Екатеринбургских заводов снизил наказание до 100 розог, которое главный горный начальник утвердил. Наказан в марте 1857 года после выписки из госпиталя⁸.

Викула Андреев Митрофанов, 30 лет, мастеровой котельного цеха Екатеринбургской механической фабрики. В 1850 г. перечислен в мастеровые из урочно-рабочих, женат, 2 детей. Дважды судим: в 1854 году за побег 4 месяца и 11 дней (100 розог) и в 1855 г. за побег 5 дней, освобожден от наказания по манифесту о вступлении на престол Александра II. 2 октября 1856 г. уволен надзирателем Механической фабрики Патрушевым для занятия вольными работами в Нижнеисетских куренях, где выработал 6 поденщин по 20 копеек. 27 октября надзирателем котельного цеха Семеновым был объявлен в бегах. Патрушев на допросе отказался подтвердить отпуск. Из дела не ясно выдал ли Патрушев Митрофанову письменное свидетельство об увольнении, без которого тот вряд ли поступил бы на вольные работы в казенных куренях. Не ясно где задержанный находился по выработке 6 поденщин до 27 октября. Суд приговорил Митрофанова к 400 шпицрутенам. Окружной начальник сократил их число до 300, а берг-инспектор до 200⁹.

Дмитрий Александров Морозов, 30 лет. Мастерской Нижнеисетского завода, переведен из урочно-рабочих в 1850 г. Женат, двое детей. Дважды судим за побеги. В 1855 г. за побег 1 месяц – 50 розог, в 1856 г. за побег 14 дней – 150 розог. С 17 сентября 1856 г. 8 дней «занимался домашнею работою». Затем опять-таки «по ленности и нерадению к службе» ушел в Екатеринбург, где «проводил время в праздности на рынках и в кабаках» и был задержан 1 октября. Суд приговорил его к 500 шпицрутенам. Окружной начальник смягчил приговор до 200, что утвердил главный горный начальник¹⁰.

Иван Андреев Темников, 38 лет. Мастерской Нижнеисетского завода, переведен из урочно-рабочих в 1854 г. Дважды судим за побеги. За побег в 1854 г. прощен все по тому же манифесту. Бежал на следующий год, был в бегах 2 меся-

⁶ ГАСО. Ф. 57. Оп. 2. Д. 23.

⁷ Там же. Д. 24.

⁸ Там же. Д. 27.

⁹ Там же. Д. 28.

¹⁰ Там же. Д. 16.

ца 8 дней, за что наказан 300 шпицрутенами. 7 сентября 1856 г. ушел с Березовских приисков в Екатеринбург, где имел квартиру. Жене сказал, что пришел домой на праздник (8 сентября), но дома подзадержался. Заподозрив неладное, жена донесла на него. 30 сентября он был задержан. Приговорен к 500 шпицрутенам. Окружной начальник снизил наказание до 300 шпицрутен, что утвердил берг-инспектор¹¹.

Еремей Андреев Мокеев, 27 лет. Мастерской Екатеринбургской механической фабрики. Из мастеровых детей Нижнеисетского завода. Имел дом в Уктусе, женат, четверо детей. Отсутствовал на работе с 11 по 13 августа 1856 г., объясняя это тем, что искал пропавшую корову. Суд приговорил его к 500 шпицрутенам. Окружной начальник снизил наказание до 100 шпицрутен, но берг-инспектор заменил это явно несоразмерное наказание 100 розгами¹².

Нестор (отчество не указано) Попов, 42 лет. Мастерской Березовского завода. Женат, двое детей. Трижды судим за побеги. В 1836 г. 14 дней – 100 розог, в 1848 г. 23 дня – 100 шпицрутен, в 1856 г. 2 месяца 8 дней – 300 шпицрутен. В том же 1856 г. 13 октября ушел в Екатеринбург для работы по найму на механической фабрике. 19 октября сам явился на работу на Спасопреображенском приiske. Приговор суда – 500 шпицрутен, окружной начальник снизил до 300. Берг-инспектор, как и в предыдущем случае, заменил 60 розгами¹³.

Мартирий Андреев Ялухин, 20 лет. Мастерской Екатеринбургского монетного двора, из мастеровых детей. Проживал в отцовском доме с матерью в Екатеринбурге. 26 ноября 1856 г. «не имея теплой одежды, в ожидании теплой погоды ушел домой, где пробыл 2 дня, а потом, опасаясь наказания за самовольную отлучку, шатался по рынку и кабакам». 6 декабря был взят в питейном доме. Это был уже седьмой побег Ялухина, причем предыдущий он совершил в том же году! Суд отметил, что он «поведения дурного». Приговор – 300 шпицрутен. Окружной начальник, учитывая, что подсудимый «телосложения слабого», заменил приговор 120 розгами. Главный горный начальник снизил их количество до 100¹⁴.

Уже знакомый нам Иван Темников четвертый побег совершил 11 января 1857 года, уйдя с Нагорного прииска Березовского завода «по случаю холода и неимения теплой одежды». Одежду он купил на заработки от сапожного ремесла, а прогульные дни хотел отработать в праздники. 26 января был взят дома снова по доносу жены. В деле содержится описание внешнего вида представшего перед судом (на дворе январь!): «Ветхий до колен чекмень, на ногах одни холщовые подштанники. Сапоги поношенные с холщовыми подвертками, голенища коих закрывают ноги только ниже колен». Приговор – 200 розог. Главный горный начальник снизил их число до 30¹⁵.

Так же знакомый нам Дмитрий Морозов четвертый побег совершил 6 февраля 1857 г., уйдя с золотых приисков в Горном Щите «по болезни». 15 февраля взят в доме в Арамиле и за караулом сотника отправлен в Екатеринбург. «Зайдя в питейный дом и видя, что сотник опьянел, ушел домой», где был взят 19 февраля. Суд болезни у него не нашел, а причину побега увидел во все тех же «ленности и нерадении к службе». Приговор – 300 шпицрутен, который окружной начальник снизил до 100, а главный горный начальник повысил до 200¹⁶.

¹¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 2. Д. 18.

¹² Так же. Д. 20.

¹³ Там же. Д. 21.

¹⁴ Там же. Д. 40.

¹⁵ Там же. Д. 55.

¹⁶ Там же. Д. 61.

Итак, фигуранты всех рассмотренных нами 12 дел (за исключением «искателя коровы» Еремея Мокеева) уже имели судимости за побег. От новых побегов, часто в том же году, их не удерживали понесенные ранее тяжелые наказания. Трафаретная формулировка следствия, объяснявшая причины побегов, – «по ленности и нерадению к службе», – в действительности ничего не объясняет.

Отметим, что большинство бежавших недавно были переведены в мастерские из урочнорабочих и работали на золотых приисках. Такой перевод резко ухудшал условия труда (не случайно Березовские промыслы были местом ссылки), лишал возможности распоряжаться своим временем, которую имели урочнорабочие, отрывал переведенных от семей.

Поражает бедность, практически нищета бежавших. Тот же Ялухин, как отмечено в деле, получал жалование 7 руб. 50 коп. и два пуда «провианта» (ржаная мука) в год, т.е. около 2 коп. и менее 100 г. муки в день. Отсюда понятны жалобы на отсутствие теплой одежды, если суконный кафтан стоил 3 руб. 58 коп., сапоги 1 руб. 14 коп., овчинный тулуп 5 руб. 71 коп., штаны суконные (которые отсутствовали у подсудимого Темникова) 1 руб. 80 коп., шапка зимняя 30 коп. (цены 1842 г.)¹⁷.

Побуждали к побегам болезни. У того же Ялухина было обнаружено «хроническое воспаление уха». Он просился в госпиталь, но ему было отказано.

Но в абсолютном большинстве случаев каких-либо рациональных объяснений побегу нет. Бежавший уходит чаще всего в Екатеринбург, «шатается» по рынкам и кабакам, где его и задерживают. Причем беглец наверняка знает чем закончится его побег (многие уже имеют опыт), но это его не останавливает. Он упорно повторяет те же самые действия. Такое поведение конечно же нельзя объяснить «тихим каждодневным сопротивлением угнетению в форме... лени»¹⁸ («Лень как форма антифеодального протеста» – чем не тема для исследования!). Конечно, среди этих людей были и закоренелые лодыри и пьяницы, каковые встречаются в любую эпоху. Но скорее здесь другое. В основе побегов лежит система принудительного труда. Труд не ведет к благосостоянию работника. Сколько и как бы хорошо он не работал, он получит те же 2 коп. и 100 г. муки в день. Примечателен вывод, сделанный одним из инспекторов после ревизии казенных заводов: «Порядок, насчет работ здесь существующий, мне кажется тем дурен, что подавляет охоту к работе»¹⁹. Не случайно стремление некоторых подсудимых к работе по вольному найму. «Принудительный труд, – совершенно справедливо отмечает И. Супоницкая, – воспитывал отношение к работе как к проклятию. Ее ненавидели, всячески старались избежать»²⁰.

Избежать хотя бы на некоторое время и любой ценой, совсем по Пушкину: «лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст!».

М. Кушников отмечает «зыбкую психологическую границу между волей и неволей». «С детства до старости ощущая свою зависимость, свою неволю», – пишет Кушников, – русский человек «пестовал в себе – порой бессознательно – мысль о побеге». Русская действительность сделала понятие побега «...самой что ни на есть органичной, повсеместной приметой обыденной жизни. Беглый человек стал фактически еще одним социальным сословием. Беглые были основным контингентом массы, преступной по определению, то есть по тогдашнему закону»²¹. Материалы фонда 57 ГАСО подтверждают эту мысль.

¹⁷ ЦГАУР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 442. Л. 12.

¹⁸ Супоницкая И. Указ. соч. С. 13.

¹⁹ ЦГАУР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 204. Л. 45 об.

²⁰ Супоницкая И. Указ. соч. С. 5.

²¹ Кушников М. Тюрьма в России больше, чем тюрьма // Родина. Российский исторический журнал. 2006. № 8. С. 23–25.